Цѣна № 25 коп.

«Дух разрушающій есть созидающій дух».

РАБОЧЕЕ ЗНАМЯ

Адрес Конторы и Редакціи: Гороховая, д. № 42. Тел. 158-64.
Конт. откр. от 12—8 ч. веч.
Секретарь редакціи принимает ежедневно от 2—5 ч. веч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
за 1 мѣсяц . . . . 5 руб.
" 2 " . . . . 9 "
" 3 " . . . . 12 "
Перемѣна адреса 40 коп.
Подписка принимается с 1-го чис. кажд. мѣс.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Орган Петроградских Анархистов-Коммунистов.

№ 7. Четверг 21 (8)-го Февраля 1918 года. № 7.

„Революція" большевиков— не есть Революція.

«Россія выходит из войны, но мира не подписывает»,—так гласила гордая формула, десять дней тому назад привезенная господами парламентерами из Брест-Литовска.

Мы еще в началѣ революціи провозгласили эту формулу, как единственно возможную для русской революціи, и еще тогда требовали ея немедленнаго примѣненія на дѣлѣ. Но вначалѣ русская буржуазія, завладѣвшая государственной властью, а затѣм ея прихвостни—соціал-патріоты всѣх цвѣтов и оттѣнков, поклявшіеся в вѣрности союзникам с цѣлью захвата Константинополя, Малой Азіи и других «колоній», всячески затягивали войну, затягивали её против воли всего русскаго народа.

И только октябрьское возстаніе, протекшее под лозунгами «долой войну!»— и «вся власть совѣтам!»—только оно приблизило выполненіе всенароднаго требованія.

От іюля до октября прошло четыре мѣсяца. В этот промежуток времени происходила организація революціонных сил. И протекала она под флагом большевизма, ставшаго популярным только благодаря его пропагандѣ разрыва коалиціи со своей и всякой иностранной буржуазіей.

Когда большевики, в концѣ октября, захватили власть, мы знали, что дѣла их не будут соотвѣтствовать их словам. Не будут потому, что большевики все-таки только соціал-демократы, всю свою тактику строющіе на соглашательствѣ.

Наши предвидѣнія оправдались в полной мѣрѣ. За три мѣсяца своего пребыванія у власти большевики сами так основательно расправились с до-октябрьским большевизмом, так радикально успѣли позабыть всю свою „антибуржуазность", что враждебное отношеніе к ним со стороны болѣе благоразумных „благонамѣренных" элементов постепенно стало исчезать. Практика большевиков оказалась куда менѣе опасной, чѣм теорія большевизма, и сами большевики очень скоро доказали, что они и не помышляют угрожать капиталистическому строю. Правда, они „немножко экспропріировали" помѣщиков и крупную промышленную буржуазію, но на этом их „радикализм" и остановился. Уничтоженіе капиталистическаго строя было замѣнено „контролем",—конечно, только временным,—а бряцаніе оружіем в сторону „имперіалистов всѣх стран" не привело к разрыву дипломатических сношеній. Больше того: представители иностранных держав отказались признать совѣтскую „власть", большевики же продолжали поддерживать полу-офиціальныя отношенія с представителями союзной дипломатіи.

Большевитскій чорт оказался менѣе и даже значительно менѣе страшным, чѣм его малевала взбудораженная буржуазная фантазія.

Такую же метаморфозу пережил послѣ-октябрьскій большевизм и в области возстановленія мира. Вмѣсто простого „выхода" из войны революціонным путем,—путем отказа от продолженія войны и от мирных переговоров с нѣмецко-австрійскими имперіалистами,—большевики поѣхали в Брест-Литовск для заключенія сепаратнаго мира с Австріей и Германіей, причем мирные переговоры они вели не с „народом", как этого требовал до-октябрьскій большевизм, а с принцем Леопольдом Баварским, с министром Кюльманом, с генералом Гофманом и другими душителями свободы в Германіи и Австріи. Послѣ-октябрьским большевикам нисколько не претило пожимать руки тѣм самым „хищникам-имперіалистам", которых до-октябрьскій большевизм предавал анафемѣ.

Но, как и слѣдовало ожидать, нѣмецко-австрійскіе генералы и принцы от сидѣнія за одним столом с Троцким большевизмом не прониклись и быть имперіалистами не перестали. Они предложили „позорный", по опредѣленію гражданина Мартова, мир и послѣ-октябрскіе большевики, ничего не имѣющіе в принципѣ против заключенія сепаратнаго мира с Австріей и Германіей, тоже признали лишь условія мира непріемлемыми и только поэтому не подписали нѣмецкаго мира.

Только поэтому.

До-октябрскій большевизм склонялся к анархической формулѣ разрыва и недопустимости отношеній со всѣми буржуазіями.

До-октябрскій большевизм признавал, что всякій сепаратный мир позорен, ибо он предполагает вступленіе в договорныя отношенія с имперіалистами другой страны.

А послѣ—октябрскіе большевики склонились к формулѣ Мартова и признали, что только „невыгодный" мир позорен. Самый-же факт вступленія в договорныя отношенія с германскими имперіалистами уже не являлся для них позорным дѣлом.

На мирных переговорах большевики окончательно погубили себя, как революціонеры и, встав на точку зрѣнія утилитарную, на точку зрѣнія выгодности или невыгодности, несомнѣнно ударились в самый шаблонный соціал-патріотизм,—правда, уснащенный революціонной фразеологіей.

Но дорожка соглашательства всегда бывает скользкой и большевикам, признавшим возможность веденія мирных переговоров с австро-германскими хищниками, — большевикам, вступившим на скользкій путь соглашательства, пришлось окончательно извѣдать горесть паденія с прекрасных высот большевизма в пучину германскаго юнкерства.

Большевистская формула «неподписанія мира» нѣмцам, как и слѣдовало ожидать, не понравилась. Они преждевременно об'явили «перемиріе» оконченным и снова пошли в наступленіе.

Перед большевиками было два выхода: либо продолжать революціонную линію «разрыва коалиціи с австро-германскими хищниками и, опираясь на близость западно-европейской революціи, призвать трудящихся всѣх стран к революціонному сопротивленію надвигающимся полчищам германскаго кайзера, либо... сдаться на милость побѣдителя.

Первый выход означал бы продолженіе революціонных традицій до-октябрьскаго большевизма. Второй—отказ от революціоннаго способа дѣйствій в пользу соглашательства с буржуазіей Германіи и Австріи. А это, естественно, значит—и в пользу скоро откроющагося официальнаго соглашательства также и с русской буржуазіей, которое тоже осуществится «под давленіем внѣшних обстоятельств».

Большевики послѣ-октябрской формаціи не выдержали испытанія на до-октябрскій большевизм. Они сдались на милость побѣдителя и заявили, что «будучи вынуждены обстоятельствами» (классическая формула всякаго оппортунизма), они складывают оружіе к ногам завоевателя.

Они расписались в собственном банкротствѣ.

Будет ли или нѣт принято нѣмцами согласіе большевистскаго правительства на заключеніе «позорнаго» мира, — это другой вопрос. Почти несомнѣнно, что будет, ибо нѣмецко-австрійскіе хищники ощущают острую потребность в том, чтобы имѣть развязанными руки на других фронтах. Удастся-ли им, освободившись от Россіи, быстро расправиться с Англіей, Италіей и Франціей, нас мало интересует, ибо англо-французскіе и итало-американскіе имперіалисты для нас ничуть не милѣе австро-германских. „Оба хуже" но вопрос не в том.

Важно то, что большевики, захватив в свои руки власть и став „господами положенія", очень быстро перестали быть революціонерами и стали оппортунистами.

Важно то, что они, подписывая мир с германскими имперіалистами, бросают палку под колеса не только развитія русской, но и возникновенію западно-европейской революціи,—в особенности революціи в Австріи и Германіи, ибо нѣмецкій имперіализм не замедлит широчайшим образом использовать побѣду над русской революціонной «совѣтской властью» для укрѣпленія не только своего внѣшняго, но и своего внутренняго фронта.

Плохую услугу оказали большевики русской революціи и такую-же плохую услугу оказали они Всемірной Революціи.

Ибо Міровая Революція не дѣлается путем жалких реформочек в собственной странѣ и путем соглашательства с иностранными имперіалистами.

Отсюда только один вывод:

Для того, чтобы стать Соціальной, русская революція должна «развязать» себя от оков какой бы то ни было государственной власти, в том числѣ и большевистской, и направиться по пути революціоннаго народнаго творчества, народной самодѣятельности. Только тогда она приведет к Свободѣ и Равенству, только тогда она приведет к Анархіи, как единственной формѣ счастливаго общежитія, гдѣ не будет ни бѣдных ни богатых, ни угнетателей, ни угнетенных, и только тогда она, своим ярким пламенем, зажжет революціонный пожар во всем мірѣ.

Александр Ге.

Революція в Россіи и на Западѣ.

Едва ли не всѣ соціалисты—государственники, без различія партій и фракцій, стараются убѣдить нас, что русская Соціальная Революція, в смыслѣ переустройства общежитія на коммунистических началах, возможна только в том случаѣ, если ей будет предшествовать или одновременно с ней произойдет Соціальная Революція в Западной Европѣ.

Часть соціалистов—государственников, (например, большевики), искренно желают побѣдоносной вспышки такой революціи на западѣ, другая часть вовсе не хочет такой революціи и говорит о ея необходимости исключительно для того, чтобы ослабить волю русскаго трудового народа, стремящагося произвести Соціальную Революцію у себя дома, не дожидаясь запоздалаго выступленія рабочих других стран.

Но какими бы мотивами ни руководились соціалисты — государственники, твердя о необходимости Соціальной Революціи на западѣ для торжества ея у нас ясно только то, что эти соціалисты ошибаются.

Конечно, такая революція, прогремѣв в государствах Западной Европы гарантирует нас от военнаго разгрома со стороны западных, нынѣ буржуазных государств, не вѣдь с этими нападеніями освобожденная Россія,—которой будет что защищать,—с'умѣет справиться. А, помимо сказаннаго, наиболѣе грозныя своей военной мощью западныя государства настолько истощены затянувшейся войной 1914—15—16—17—18 годов, настолько сильно в них недовольство народных масс, что их правители сто раз подумают, прежде чѣм рѣшатся теперь же, сразу об'явить войну соціалистической Россіи.

Нѣт сомнѣнія, что революціонное движеніе, начавшееся в одной странѣ, перебрасывается затѣм и в другія страны, но это бывает не всегда и размах отраженнаго, так сказать, революціоннаго движенія часто бывает слабѣе размаха первой революціи.

Из этого слѣдует, что мы не знаем, отразится ли наша революція на европейской жизни, дав толчок скрытой соціально-революціонной энергіи западных тружеников. Мы не знаем, какой отпор дает такому движенію несравненно

сильнѣйшая нашей, лучше организованная буржуазія Западной Европы, в какой степени эта буржуазія, вспомоществуемая фальшивыми соціалистами, с'умѣет исказить Соціальную Революцію, сведя ее к реформам «малой программы» или даже к какой либо разновидности государственнаго капитализма. Замѣтим только, что такая революція, которую фальшивые соціалисты выдадут за соціальную, принесет русской революціи только вред.

Нѣт сомнѣнія, что мы—единственно послѣдовательные интернаціоналисты, не считающіе нужным дробить человѣчество на государства, будем очень рады, если на западѣ вспыхнет Соціальная Революція но, если ея не будет,—нам все таки не заказаны пути к Соціальной Революціи в Россіи.

Теоретическаго, а тѣм болѣе строго научнаго доказательства невозможности Соціальной Революціи в Россіи не существует и не может существовать. Вмѣсто серьезнаго доказательства этого положенія господа государственники прибѣгают к «цитативному» методу, все еще думая, что им можно что либо доказать в началѣ XX-го столѣтія.

Вѣдь единственное доказательство необходимости западной революціи для успѣха революціи русской находят в слѣдующих, не имѣющих за собою мало мальски серьезных основаній словах К. Маркса:—«если русская революція послужит сигналом рабочей революціи на западѣ, так что обѣ онѣ пополнят друг друга, то современное русское общинное землевладѣніе может явиться исходным пунктом коммунистическаго развитія» Симпатія К. Маркса к русскому общинному землевладѣнію бесспорны, (см. письмо Маркса от 22 Марта 1873 г., опубликованное в 1908 году в Die Neue Zeit. XX. Bd. 2, S. 415), но тѣм не менѣе, можно только догадываться о логической связи между первой и второй частями его утвержденія и даже эта логическая связь не дает основаній утверждать, что коммунистическій строй сельской, а неизбѣжно при этом условіи, и городской жизни находится в зависимости от успѣха западно-европейской революціи.

Начала коммунизма даже в послѣднее время были ясно замѣтны в попытках крестьян и рабочих устраивать свою экономическую жизнь. Как ни враждебно относилось деспотическое буржуазное государство к таким формам жизни, как ни уродовал их капитализм, все же онѣ поражали своей жизненностью внимательнаго наблюдателя. Не говоря даже о промышленных и сельских артелях, коммунистическое начало ярко сказывалось у нас в безконечном разнообразіи таких организацій, которыя проф. Зибер называл от-артельными и от-общинными. Здѣсь не хватит мѣста перечислять всѣ эти разновидности общей вольной работы, общаго владѣнія имуществом, общаго сбыта и общаго пріобрѣтенія необходимых предметов, так что приходится только указать на их разнообразіе и на то, что они встрѣчались очень часто.

Если коммунистическія теченія русской народной жизни не будут, (на что можно надѣяться) подавлены у нас существующими попытками насажденія на русской почвѣ государственнаго капитализма, если народной самодѣятельности не будет поставлен достаточно сильный предѣл принудительной властью соціал-демократическаго государства, то Соціальная Революція неизбѣжна в Россіи внѣ какой бы то ни было зависимости от самоосвобожденія наших западных братьев.

Научно, логически немыслимо доказать, что мы не можем устроиться коммунистически без того, чтобы на коммунистических началах устроились французы или нѣмцы: французы, напр., устроили республику, а нѣмцы и русскіе удержали у себя в это время монархію. Поэтому нам надо идти к соціалистическому общежитію, не продавая его за чечевичную похлебку государственнаго капитализма.

Короче: нам нужна Соціальная Революція и мы ее сдѣлаем.

Молотов.

Государство и прогресс.

В основѣ соціал-демократической идеи развитія государственной власти, лежит парламент, который и является носителем реформ и культуры. Отсюда, естественно, дѣлается вывод, что каждый угнетенный и прогрессивный класс должен стремиться овладѣть этим орудіем прогресса т. е. государственной властью. Взгляд этот не выработан исключительно марксистами, а заимствован у буржуазных революціонеров.

С особенной силой развивали и примѣняли эту теорію французскіе якобинцы. Бабеф, вышедшій из их среды, унаслѣдовал этот взгляд цѣликом: от него он перешел к бланкистам, которые передали его Марксу. От послѣдняго это наслѣдство перешло к соціал-демократам. Ортодоксальные соціал-демократы отличаются от якобинцев и бланкистов только пониманіем наилучшаго способа захвата власти. Но и тѣ и другіе—настоящіе идолопоклонники государства; и тѣ и другіе соціальную революцію считают революціей политической.

Прежде всего, мы—анархисты должны отмѣтить, что этот фетишистическій взгляд на государство находится в вопіющем противорѣчіи со всей человѣческой исторіей. во-1-х, Государство никогда и нигдѣ не играло роли носителя прогресса; во-2-х, оно создано господствующим классом в незапамятныя времена с явной цѣлью защиты его господства; в-3-х, оно мѣняло свои формы, но оно никогда не брало и не могло брать на себя роли носителя культурнаго прогресса. Да и что такое этот прогресс? Кто стоит на классовой точкѣ зрѣнія, знает, что нѣт прогресса вообще, а есть прогресс того или иного класса.

Государство всегда носило и носит только свой собственный прогресс, т. е. интересы господствующаго класса. Эти интересы оно отстаивает: а) извнѣ от нападеній иностранных господ, и б) изнутри,—от угнетенных. Слѣдовательно государство ни что иное, как спеціальный механизм, имѣющій только одно назначеніе—поддерживать основы существующаго строя. Государство ни реакціонно, ни прогрессивно, оно абсолютно консервативно. Оно всегда уступало и уступает самым назрѣвшим реформам с большим трудом. Всякія крупныя перемѣны фактически проводились и до сих пор еще проводятся самим возставшим народом. Слѣдовательно, государство не создает, а регистрирует завоеванныя реформы возставших. Эту мысль косвенно признал и Каутскій, который о французской революціи говорит так: «Они (мѣщане, крестьяне и пролетаріи) вооружились, штурмовали Бастилію, сжигали замки феодалов и бросив с себя цѣпи феодализма, начали сами управлять своими общинами. Учредительное Собраніе только узаконило то, что совершил сам народ». В другом мѣстѣ той же книги он утверждает: «Подобное имѣло мѣсто в ночь на 4 августа 1789 г., когда дворянство и духовенство добровольно отреклось от своих привилегій, которыя, если безпристрастно смотрѣть на это событіе, возмутившійся народ уже значительно раньше фактически разбил вдребезги».

Исходя из этого, можно смѣло сказать, что вся исторія является опроверженіем соціал-демократической мысли будто, по выраженію Бебеля, угнетенные классы захватывали государственную власть, что-бы затѣм преобразовать государство и общество в своих классовых интересах. Вѣрно как раз обратное: угнетенные классы раньше с оружіем в руках преобразовывали экономическія отношенія, а затѣм создавали новую политическую организацію для охраны совершившагося переворота. Другая ошибка проповѣдуемая соціал-демократами состоит в том, что они предлагают пролетаріату овладѣть государственной властью — парламентом, что-бы с его помощью произвести соціальную революцію, между тѣм, как французская революція на которую они так любят ссылаться, дает совсѣм другой примѣр. Французская буржуазія не стремилась овладѣть королевским деспотизмом, что бы заставить его служить своим интересам; наоборот, она разрушила эту старую форму политической власти и создала новую, специфически—буржуазную форму господства—„парламентаризм". Правда, чтобы быть послѣдовательными подражателями дѣятелям французской революціи соціал-демократы — большевики, ставят своею цѣлью уничтоженіе буржуазной парламентарной формы государства и созданіе новаго пролетарскаго государства для проведенія в жизнь требованій пролетаріата. но и большевистское пролетарское государство, как и буржуазное, в будущем, будет имѣть в виду одну только цѣль, ограничить, связать, дисциплинировать личность, пріурочить ее к своим цѣлям и подчинить ее чему нибудь всеобщему; ибо существованіе всякаго государства и возможно только до тѣх пор, пока личность каждаго человѣка не станет всѣм во всем. Поэтому и послѣдовательна соціальная организація «большевиков», уничтожая привиллегію собственности, сохраняет и создает новую и послѣднюю привиллегію—привиллегію организаціи труда, а слѣдовательно, и послѣднюю базу господства—команду над производителями, т. е. над трудовым народом. Все равно, что-бы ни говорили соціал-демократы—большевики, а в соціалистическом государствѣ, активный и вліятельный элемент, будет цѣликом рекрутироваться из среды так называемаго „новаго

Перспективы анархическаго движенія.

(Продолженіе).

Наступает эра борьбы личности с обществом, а общества—с личностью. В душѣ личности зрѣют индивидуалистическія и анархическія тенденціи, стремящіяся найти выход сначала в скрытой, а затѣм открытой борьбѣ с диктатурой государственной общественности и ея культурой.

Опираясь на силы порабощенной личности—с одной стороны, и на силы порабощенной природы—с другой стороны, государственная культура достигает страшнаго могущества и стремится сдѣлать власть свою, как над личностью, так и над силами природы, неограниченной, абсолютной.

Между тѣм личность, тоскуя по свободѣ, все чаще и чаще обращает свои взоры на природу, пытается понять ея смысл и судьбу и, наконец, постигает что именно она сама, **личность, есть явленіе природы, а не явленіе общественности**, и потому только, путем возстанія против тираніи государственной культуры она обрѣтет для себя свободу, а природѣ вернет жизнь. **Личность и природа** (космос) об'единяются для борьбы с общим врагом: деспотизмом государственной культуры.

Так личность дѣлается космической силой, так познающей мыслью своей она постигает законы вселенной, и сообразно им, и только им, устраивает свою жизнь. Конечно, это далеко не означает, что личность отрицает всякую общественность, отнюдь нѣт. Но она знает один неоспоримый для себя императив (закон): **не личность—для общественности и во имя общественности, а общество—во имя личности и для личности.**

Другими словами, нужно идти к той формѣ общественности, при наличіи которой был бы minimum общественнаго принужденія и maximum индивидуальной свободы.

Такая общественность и будет осуществлена в анархо-коммунальном строѣ.

Теперь я скажу нѣсколько слов о тѣх общепризнанных идеологах, учителях анархическаго движенія, большія заслуги которых не должны стушевывать не менѣе ясно выражаемы недостатки, присущіе им.

Бросим один общій взгляд на этот ряд теоретиков анархизма, начиная с Гадвина и вплоть до Толстого и Тукера, отыщим у них, с одной стороны, исходныя точки движенія их мысли, а с другой—тѣ финальныя точки, тѣ послѣднія слова, чоторыя были ими сказаны.

Ни один из этих мыслителей не освѣтил сущности той культуры, под гнетом которой так тоскует анархическая личность, никто из них не указал того новаго типа культуры, который, усиліями анархистов, должен занять мѣсто великой опустошенности, оставляемой культурой вырождающейся. Исходной точкой, играющей роль верховнаго принципа, аргументаціей каждаго из этих мыслителей является какое-нибудь общее, весьма безцвѣтное, понятіе, какой-нибудь, в сущности крайне двусмысленный, идейный пароль, догматически принимаемый за какую-то абсолютную истину.

Таким паролем для Гадвина является всеобщее благо' для Прудона—справедливость, для Штирнера—личное благо, для Бакунина—прогресс, для Крапоткина—счастье, для Тукера—польза, для Толстого—любовь. Но развѣ идейным паролем этой дряхлой, ненавистной нам культуры не является пароль, так поразительно похожій на каждый из поименованных, что его можно без особаго риска наименовать любым из них. Неужели анархическое движеніе так бѣдно содержаніем, что у него есть только способность усвоенія изжитых лозунгов и таких принципов, содержаніе которых уже давно растеряно на путях исторической жизни.

Если-бы это было так, если бы подлинный анархизм дѣйствительно получал высшее оправданіе только от шаблонов этой проклятой культуры и если-бы он не имѣл иного оправданія, то не трудно было бы напророчить ему весьма плачевную участь.

Обыкновенно говорят, что всѣ эти мыслители сильны только радикально-отрицательным отношеніем к современному строю, но весьма бѣдны положительными идеями. Но я пойду дальше и скажу, что и в смыслѣ отрицанія эти идеологи далеко не выразили сущности анархизма. Внѣ поля их зрѣнія, а, слѣдовательно, и внѣ их критики мы находим непочатую область: современную культуру в цѣлом, ея верховный принцип и высшій пафос. Правда, у Штирнера и у Толстого мы имѣем дѣло с болѣе всесторонней критикой культурных цѣнностей современности, однако плодотворность этой критики дѣлается весьма сомнительной, как только мы пытаемся отыскать их руководящую нить или опознать их методы.

Штирнер все подвергает безпощадной критики с точки зрѣнія пустого молоха, своего «я», а Толстой отрицает культуру, но дѣлает это во имя бабушки (христіанство) этой культуры, которую он пытается вновь омолодить.

Прочіе же мыслители, не исключая и Крапоткина, притягивающаго естествознаніе «за волосы», стоят исключительно на соціально-политической плоскости, почему и всѣ анархическія заданія для них исчерпываются уничтоженіем государства, права, собственности и церкви.

Хорошо. Предположим, что завтра эти молохи с глиняными ногами будут разбиты и крещены огнем. Но что скажет личность, во имя освобожденія которой свершилось это сожженіе святынь современной культуры? Вѣдь запросы ея живой души останутся, и даже не останутся прежними, а неизмѣримо возрастут, требованія возрастут, мысль будет лихорадочно искать исчерпывающаго отвѣта на тѣ „проклятые вопросы" в безсиліи разрѣшить которые особенно ярко сказалась нищета современной культуры, религіозное чувство будет искать объект для своего выявленія, жажда красоты и поэзіи в жизни будет рождать неумолчную тоску и грезы, которым надо дать исход, творческіе импульсы будут будировать волю, и послѣдняя не сможет уклониться от общей тяги к новым горизонтам жизни.

Всѣ тѣ требованія духа, которыя вызвали к жизни религію, философію, науки, искуства, мораль—всѣ эти требованія освобожденная личность вновь заявит громким голосом, и горе тѣм из нас, которые или постыдно замолчат, или будут взывать к старым, изжитым лозунгам старой, изжитой культуры. Ясно, что этого допустить нельзя.

Ѳ. Куклярскій.

(Продолженіе слѣдует.)

третьяго сословія"—управляющих, директоров, инженеров, техников, адвокатов, чиновников и т. д. Словом, из тѣх групп, которыя нынѣ считаются, по справедливости, организаторами и руководителями буржуазной экономической жизни. Как-бы ни пало в новом строѣ вознагражденіе за так называемый организаторскій „труд", привиллегированное положеніе организатора несомнѣнно. Приведу примѣр: капиталист может не получать никакой прибыли от предпріятія, он может совершенно разориться, но в своем самом убыточном предпріятіи он все-таки эксплуататор потому, что занимает привиллегированное положеніе. Подобное положеніе займет и организаторская група в социал-демократическом государствѣ. Перепроизводство интеллигентных сил само собою понизит жалованье умственных работников, но тѣм не менѣе, независимо от жалованья инженер или управляющій займет в націонализированном предпріятіи привиллегированное положеніе и будет командовать по своему усмотрѣнію, а может быть и по произволу, трудовым народом.

Исходя из вышесказаннаго, мы—анархисты-коммунисты считаем преступным захватывать власть, принижать работников, принижать лучезарную рабочую революцію к жалкой перемѣнѣ правительства и, поэтому, разрушая собственность, государство и всѣ вредные для народа институты государственности, мы стремимся создать свободное сотрудничество и замѣнить принудительныя организаціи труда свободными союзами самих производителей, гдѣ спадет с труда вѣковое проклятое рабство, и он превратится в одну сплошную свободную игру человѣческих страстей, а сам работник станет смѣлым, гордым и свободным художником.

Отгого то мы выставляем новый принцип в политической области—свободу. Оттого то мы неустанно взываем: Разрушьте Государство! Убейте хищника! Убейте его!

Н. Піо—скій (Безвластьев).

Богатые и бѣдные.

Современное общество не принято дѣлить в „ученых" книгах на богатых и бѣдных. Господами писателями считается (едва-ли это не лицемѣріе) почему то ненаучным положить в основу дѣленія общества на двѣ враждебныя части признак богатства и бѣдности, («толщину кошелька»). Это не мѣшает, впрочем, упоминать в научных работах о средних классах общества, опредѣляя принадлежность к послѣдним как раз величиною дохода или имущества.

Дѣля общежитіе на богатых и бѣдных, необходимо установить тот размѣр дохода, ту черту, ниже которой надо помѣстить бѣдных, а выше богатых людей.

Это не трудно сдѣлать. Так как все культурное человѣчество связывается экономической жизнью в одно производящее и потребляющее цѣлое, то нельзя утверждать, что сдѣланная человѣком вещь является продуктом его личнаго отдѣльнаго труда. Человѣк только додѣлывает изготовляемый им продукт, но, не иначе, как при помощи тѣх, кто дал ему возможность работать, доставив необходимыя средства производства, пищу, одежду и пр. и пр... В сущности, любой продукт является произведеніем всего общежитія. Все производится всѣми работающими, а потому всѣм и должно принадлежать.

Распредѣленіе продуктов для непосредственнаго пользованія должно производиться, как мы не раз доказывали сообразно правилу, по которому никто не должен получать больше другого.

Конечно, равенство доходов мыслимо только при том условіи, что человѣк может и хочет потребить ту или другую долю дохода. Грудной младенец потребляет не то, что взрослый человѣк. Потребленіе женщин нѣсколько отличается от потребленія мужчин, потребленіе больных от потребленія здоровых и т. д... Существуют, так сказать, условія, не допускающія тождества доходов разных людей, но не исключающія их равноцѣнности, равенства. Всякій должен получить то, что ему надо, но без ущерба для другого

Согласившись с вышесказанным, можно установить нормальный средній доход, причитающійся на долю каждаго члена каждой части общества (малолѣтки разнаго возраста, женщины, мужчины и пр).

Всѣ лица, получающія больше средняго дохода, это богатые, а меньше средняго дохода—бѣдные. Таким образом, все общество распадается на богатых и бѣдных. Люди, получающіе, как раз средній доход, принадлежат к средней по зажиточности групѣ, но эта група в наше время крайне малочисленна.

Всѣ богатые являются эксплуататорами в широком смыслѣ этого слова и составляют меньшинство населенія. Богатые являются эксплуататорами потому, что получают больше продуктов, чѣм то количество, которое причитается на долю каждаго из них как членам общества они обкрадывают бѣдных. Всѣ бѣдные являются эксплуатируемыми, так как на их долю приходится меньше создаваемаго всѣм обществам богатства, чѣм на долю каждаго из богачей.

Во избѣжаніе недоразумѣній надо замѣтить, что трудящееся общество неизбѣжно включает в свои ряды как тѣх, кто работает, так и тѣх, кто подрастает и кто перестал работать по старости, болѣзни и т. д.

Общежитія дѣлятся обыкновенно на «классы» по источникам дохода, но можно подняться над дѣленіем общества на классы и подчеркнуть то, что, как в настоящее время, (как и раньше), бѣдные ведут борьбу с богатыми.

Говоря таким образом, мы не упрощаем, а углубляем вопрос о дѣленіи общества на группы или классы. В этом случаѣ приходится говорить о глубокой сущности явленій.

Конечно, дѣленіе общества на богатых и бѣдных позволяет сдѣлать много выводов и не мы первые предлагаем его.

«Все то,—говорил когда то Бабеф,—чѣм обладают люди, имѣющіе излишек против приходящейся на их долю части из общественнаго достоянія, составляет хищеніе и узурпацію, (захват) справедливо, слѣдовательно отобрать у них это». «Утверждать, что между богатыми и бѣдными нѣт вражды,—говорил Рычард Блечфорд,—это значит сказать, что между грабителями и ограбленным не существует враждебных отношеній».

При таком дѣленіи общества на богатых и бѣдных отбрасываются, разумѣются, очень важныя различія между обѣими частями населенія. Так, например, бѣдняк, живущій на не трудовой доход, попадает в одну группу с бѣдняками, живущими личным трудом. Собственница избы в фабричной слободкѣ живет на 10 рублей в мѣсяц, получаемых от жильцов этого домика. Десять рублей в мѣсяц вырабатывает и швея. Обѣ женщины принадлежат к числу бѣдных. Но и при дѣленіи общества на классы по источникам дохода мы встрѣтим в одном и том же классѣ владѣлицу избушки, о которой только что шла рѣчь, и американскую милліардиршу, одно бѣлье которой стоит 200.000 рублей. Мы встрѣтим в одном классѣ, как Рокфеллера, получающаго около 800.000 рублей дохода в день, так и сапожника нанимающаго подмастерья, хотя бы чистый доход этого сапожника равнялся 300 рублям в год.

Дѣло чуткости, конечно, но нам понятнѣе об'единеніе в одну группу швеи, владѣлицы избушки и сапожника, чѣм Рокфеллера, владѣлицы избушки, милліардерши и сапожника.

Конечно, кромѣ главнаго,-общаго,-необходимы и дальнѣйшія дѣленія. Наличность таких дальнѣйших дѣленій позволяет, напр. естественнику отнести кита и обезьяну к одной групѣ млекопитающихся.

Таким образом, говоря о бѣдных, надо указать, что они тоже распадаются на двѣ части. Громадная масса бѣдняков, это—трудящіеся. Ничтожное число бѣдных — паразиты. Эти паразиты тоже эксплуатируются общественным строем, являясь его жертвами и порожденіем, но, в свою очередь, и они могут кого либо эксплуатировать.

Група богатых распадается на бездѣльников паразитов и на полу-паразитов, т. е. хотя и работающих, но через чур много берущих за свою работу лиц.

Понятіе бѣдности и эксплуатаціи, в большинствѣ случаев, совпадает. В общем, „весь мір раздѣлен, — как говорит один из героев Ибаньеса. — на двѣ категоріи:—тѣ, которых стригут и тѣ, которые стригут".

Так как бѣдняк стрижется, не дополучая причитающейся ему доли дохода, то слова эксплуатируемый и бѣдный значат одно и тоже хотя бѣдняк и может получать (очень рѣдко, впрочем,) свой доход без тѣх усилій, которыя называются экономическим трудом.

А. Карелин.

Заработная плата в старину и теперь.

Всѣм извѣстно, что за послѣднія полтора столѣтія было сдѣлано многое множество всевозможных технических изобрѣтеній.

Казалось, что рабочій класс должен благоденствовать, так как то количество издѣлій, которое дѣлали раньше 10, 20, 100 и болѣе человѣк, в настоящее время выдѣлывает на прекрасной машинѣ один рабочій.

Рабочіе должны благоденствовать и потому, что главнѣйшія, так сильно поднявшія производительность труда изобрѣтенія, были сдѣланы как раз рабочими.

На дѣлѣ же мы видим, что заработная плата понижалась за послѣднія столѣтія, а не росла, как слѣдовало ожидать. Дѣло в том, что за это время непомѣрно возрасла жадность капиталистов и весь гигантскій под'ем производительности труда пошел в пользу капиталистов, а кромѣ этого, они сумѣли урвать у рабочих и часть их заработка. Все создавали своим неустанным трудом рабочіе, и все, что могли, отобрали у них бездѣльники-капиталисты.

Трудно голословно повѣрить только-что сказанному и мы приведем здѣсь нѣсколько доказательств, взяв примѣры из жизни Англіи — страны, гдѣ капитализм развился особенно сильно, гдѣ его «благодѣянія» сказались особенно ярко.

„В общем, — говорит Арн. Тойнби, — сельским рабочим, по крайней мѣрѣ на югѣ Англіи, жилось гораздо лучше в срединѣ 18-го столѣтія, чѣм их потомкам в срединѣ 19-го". На сѣверѣ положеніе рабочих нѣсколько улучшилось.

По Бартону реальная заработная плата понизилась в Англіи между 1760—1820 гг. на 33 проц. и, говоря вообще, мы не видим в Англіи чего либо похожаго на постоянный рост заработной платы.

Если же мы сравним заработок второй половины и конца 19-го столѣтія с заработком средневѣковаго населенія, то опять-таки увидим, как мало выиграл англійскій рабочій. „Как результат многих изслѣдованій, Гэллэм говорит, что он убѣжден, что заработная плата в итогѣ была значительнѣе в Англіи в теченіи средних вѣков" (Г. Джорж). У П. А. Кропоткина мы читаем: «работа на отдѣльнаго хозяина стала распространяться (рѣчь идет о средневѣковьѣ. А. К.) позднѣе; но и в этих случаях работник оплачивался лучше, чѣм он оплачивался даже в Англіи теперь и гораздо лучше, чѣм он оплачивался обыкновенно во всей Европѣ в первой половинѣ столѣтія, Горольд Роджерс в достаточной степени ознакомил англійских читателей с этим фактом».

Замѣтив, что средневѣковый рабочій оплачивался лучше современнаго англійскаго, П. А. Кропоткин продолжает:—«но тоже самое слѣдует сказать и о континентальной Европѣ, как это доказывается изслѣдованіями Фольке и Шенберга, а также многими случайными указаніями. Даже в 15 столѣтіи каменьщик, плотник или кузнец получал в Амьенѣ поденную плату в размѣрѣ четырех rois соотвѣтствовавших 48 фунтам хлѣба или $1/8$ части маленькаго быка (bouvard). В Саксоніи плата geselle в строительном ремеслѣ была такова, что, выражаясь словами Фольке, рабочій мог купить на свой шестидневный заработок одну овцу и пару сапог. Приношенія рабочих (geselle) в различных соборах также являются свидѣтельством их сравнительной зажиточности, не говоря уже о роскошных приношеніях нѣкоторых ремесленных гильдій и об их расходах на празднества и пышныя процессіи».

«Когда,—пишет П. А. Кропоткин,—справляешься с документами, дающими возможность установить размѣр заработной платы, сравнительно со стоимостью предметов потребленія (Т. Роджерс сдѣлал это для Англіи, а многіе нѣмецкіе писатели для Германіи), то ясно видно, что труд ремесленника или даже простого поденщика того времени оплачивался лучше, чѣм оплачивается в наше время труд наиболѣе искуснаго рабочаго. Счетныя книги Оксфордскаго университета, а также нѣкоторых нѣмецких и швейцарских городов ясно доказывают это».

Заглянем теперь в Германію.

В книгѣ А. Домашке мы читаем о Германіи слѣдующее:—Іоганесс Іансен указывает, что в началѣ 15-го столѣтія заработная плата обыкновеннаго деревенскаго работника составляла в недѣлю 6—8 грошей—высокая плата, если принять во вниманіе, что овца в тѣ времена стоила 4 гроша, а пара сапог—2 гроша. Таким образом поденщик мог на заработанныя им деньги купить овцу и пару сапог. По цѣнности денег в наше время это составило бы 30 марок. И вот представим только себѣ тот факт, что теперь из 13½ милліонов податного населенія германской имперіи около 11милліонов получают меньше 900 марок ежегодно. Еще выше была плата в ремесленных заведеніях городов. Там зачастую встрѣчалось, как например, у ткачей в Шпейфѣ в 1362-м году, что хозяин и рабочіе дѣлили доход от работы в отношеніи 1 к 1, или как 3 к 2». «Государственный закон, введенный в 1482-м году в Саксоніи герцогом Эрнестом и Альбертом, весьма поучителен по отношенію к положенію ремесленника того времени. Он опредѣляет высшую заработную плату ремесленнику—9 новых грошей в недѣлю с прокормленіем и 16 грошей без прокормленія». «Эти ремесленники должны довольствоваться 4 кушаньями к обѣду и ужину. В мясоѣд они должны получать суп, два мясных кушанья жареных и одно кушанье из зелени; в пятницу или другой день, когда не ѣдят мяса,—суп, блюдо из свѣжей или вяленой рыбы и два кушанья из зелени; во время поста—пять кушаній:—суп, дважды рыбное, дважды зелень, а сверх того 18 грошей; обыкновенному же рабочему ремесленнику 14 грошей в недѣлю; если же эти работники питаются за свой счет—полировщикам слѣдует платить не болѣе 27, а простым каменьщикам и т. п. не болѣе 23 грошей».

А. Соколов.

Герцен и современность.

Как в эпоху паденія Греческой и Римской цивилизацій были отдѣльныя личности, угадывавшія смысл событій своего времени и провидѣвшія роковое будущее,—точно также и наша больная эпоха имѣет своих предтечей и провидцев. К числу послѣдних нельзя не отнесть мыслителя-печальника Герцена.

«В разных частях Европы люди могут быть посвободнѣй, поравнѣе, нигдѣ не могут они быть свободны и равны, пока существует эта гражданская форма, пока существует эта цивилизація... Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія предполагают среду постоянно расчищаемую другими, приготовляемую другими; надобен чей-то труд для того, чтобы нам доставить досуг, необходимый для нашего психическаго развитія, тот досуг, ту дѣятельную праздность, которая способствует мыслителю сосредоточиться, поэтому мечтать... Как же этот мір устоит против соціальнаго переворота? Во имя чего будет он себя отстаивать? Религія его ослабла, монархическій принцип потерял авторитет; он поддерживается страхом и насиліем; демократическій принцип-рак, снѣдающій его извнутри... Духота, тягость, усталь, отвращеніе от жизни распространяется вмѣстѣ с судорожными попытками куда-нибудь выйти. Всѣм на свѣтѣ стало дурно жить,—это великій признак. Все мельчает и вянет на истощенной почвѣ: нѣт талантов, нѣт творчества, нѣт силы мысли,—нѣт силы воли.

Кайтесь, господа, кайтесь! Суд міру вашему пришел. Не спасти вам его ни осадными положеніями, ни республиками, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіем полей...»

Трудно было бы нам переоцѣнить значеніе этихъ знаменательныхъ словъ Герцена. Глубоко-пессимистическимъ взглядомъ смотрѣлъ Герценъ на судьбы современной западно-европейской цивилизаціи.

Для него была очевидной тщетность всѣхъ тѣхъ попытокъ радикальной перестройки формъ общественности, которыя исходя отъ угасающей цивилизаціи, несутъ на себѣ печать ея неизбѣжной обреченности. Но вырожденіе цивилизаціи и смерть ея принесетъ съ собой грядущій соціальный переворотъ на Западѣ.

По существу этотъ строй мысли у Герцена имѣетъ довольно отчетливо выраженный уклонъ въ сторону анархизма. Признавая неразрывную связь между духомъ этой культуры и неизбѣжнымъ крахомъ тѣхъ формъ общественности, которыя, какъ изжитыя, должны быть отметены,— Герценъ вполнѣ послѣдовательно дѣлаетъ выводъ о роковомъ часѣ, пробившемъ для европейской культуры и, тѣмъ самымъ, свидѣтельствуетъ о неизбѣжности обще-культурнаго перелома въ жизни народовъ.

Однако по существу своему анархическія тенденціи у Герцена не получили открытаго выраженія, и потому такимъ одностороннимъ пессимизмомъ дышать всѣ его пророчества.

На неизбѣжную западно-европейскую катастрофу мы — анархисты — привыкли смотрѣть не только взглядомъ ужаса, охватывающаго душу при видѣ крушенія только что покинутаго нами міра, но еще болѣе—взглядомъ жуткаго восторга, обуревающаго душу невиданнымъ зрѣлищемъ нашего полнаго освобожденія отъ тысячелѣтняго гнета могущественной, но насильнической культуры.

Повидимому и самъ западъ въ настоящее время уже не закрываетъ глаза на тѣ роковыя для него послѣдствія, которыми чреватъ соціальный переворотъ. Только этимъ и можно объяснить то удивительное терпѣніе, которымъ запаслись народы запада въ переживаемый нами моментъ. И все-же эти народы, благодаря близорукости правительствъ, гигантскими шагами движутся къ той послѣдней грани времени, когда до краевъ переполненная чаша народнаго гнѣва будетъ стремительно опрокинута. И чѣмъ болѣе слѣпнутъ глаза правителей, тѣмъ болѣе зрячей дѣлается воля народовъ. Пусть-же слѣпцы эти погрузятся въ вѣчную ночь. Ихъ ночь будетъ нашимъ днемъ.

Омега.

„Познай самого себя".

Для анархическаго движенія наступилъ тотъ рѣшительный моментъ, когда знаменитое пожеланіе Сократа должно прозвучать для нашего слуха неумолимымъ требованіемъ, обращеннымъ къ самому себѣ.

Пора открыто признать, что мы—анархисты—имѣемъ весьма шаткое представленіе объ объемѣ и сущности идеи Анархіи, весьма мало знаемъ самихъ себя и даже совсѣмъ неясно рисуемъ себѣ тѣ перспективы, которыя имѣются у анархическаго движенія въ цѣломъ.

Нельзя, безъ явнаго ущерба для дѣла, закрывать глаза на двусмысленность занятаго анархизмомъ положенія, претендующаго на роль величайшаго дѣятеля, сдвигающаго историческую жизнь народовъ на новые пути, и въ то-же время малодушно укрывающагося подъ знаменемъ соціализма, разновидностью котораго онъ якобы только и является.

Мы всѣ столкнулись съ дилеммой, разрѣшить которую необходимо какъ въ силу идеологическихъ, такъ и въ силу тактическихъ соображеній: либо анархизмъ стремится только къ радикальной перестройкѣ существующихъ формъ общественной жизни—и въ такомъ случаѣ мы представляемъ собой лишь лѣвое крыло соціализма, либо анархизмъ несетъ съ собой великій замыселъ творчества новаго типа культуры, получающей санкцію отъ новаго міропониманія—и въ такомъ случаѣ въ нашу задачу входитъ немедленное освѣщеніе тѣхъ путей всесторонняго творчества, избраніемъ которыхъ будетъ предопредѣлена судьба анархическаго движенія.

Настало время спросить себя, дѣйствительно-ли мы—анархисты—являемся только „послѣдними Могиканами" этой вырождающейся культуры или уже съ насъ говоритъ мятежно-творческая воля новыхъ „аргонавтовъ", покинувшихъ родныя берега во имя „золотого руна" свободы?—Кто мы: Гробокопатели и кладбищенскіе сторожа, берегущіе вѣчный сонъ мертвыхъ, или первые вѣстники яркаго дня новой культуры?

Нужно рѣшить эти роковые вопросы и—либо построить новое міропониманіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ анархическаго умонастроенія, либо похоронить идею Анархіи подъ тяжестью блаженнаго муравейника соціализма!

Ѳ. К.

Подземный гул.

Томы горячими лучами
Равнины солнце огневое;
Дубравы зеленью смѣются,
Рѣчныя волны серебрятся
И лижут жадно черный берег.
Подземный гул несется грозно
Из мрачных шахт и прямо в небо
Крылами тщетно ударяясь,
От блеска солнца загораясь,—
Над міром трепетно пылает
И стоном мощным оглашает
Зеленых рощ пріют тѣнистый,
—Вершины грозных гор скалистых
—Полей безбрежных ширь колышет
И гнѣвом над землею дышет.
И пал на землю вихрем грозным,
Сметая на пути преграды,
Сжигая в прах дворцы тиранов.—
Трепещут, извиваясь, гады
И умирают в страшной мукѣ...
Растут пылающіе звуки
И падают с темниц затворы.
Толпы людей, покинув норы,
Выходят к свѣту—яркій свѣт
Им шлет с лазури свой привѣт,
И пѣснь измученных усталых
Промчалась эхом в горных скалах.
С орлом в полетѣ быстром споря,
Промчалась к небу, к алым зорям.
И на развалинах обмана
Дворцы свободы вырастают.
Исчезли мглистые туманы
И солнце равенства пылает.

М. А. Андрюнин.

Возобновленіе войны с Германіей.

Отвѣт Германіи.

Как сообщают, в Петроградѣ получен отвѣт на радіотелеграмму, посланную германскому правительству народным комиссаром Троцким.

Отвѣт этот гласит:

«Сообщите ваши условія мира письменно нашему повѣренному в Двинскѣ».

На западном фронтѣ.

В Петроградѣ получен ряд сообщеній свидѣтельствующих о том, что германцы предполагают, повидимому, перейти к активным дѣйствіям и на западном фронтѣ.

Замѣчено накапливаніе значительных сил противника в районѣ Молодечно.

Тоже самое отмѣчается и у Барановичей. Это дает основаніе предполагать, что, в ближайшіе дни германцы предпримут наступленіе на Минск одновременно с юга и сѣверо-запада.

В связи с этим Минск спѣшно эвакуируется.

В Рѣжицѣ.

Вчкжелю сообщают, что сегодня с самого ранняго утра над ст. Рѣжица рѣют нѣмецкіе аэропланы. Над вокзалом и станціонными путями были разрывы бомб.

Передают, что часть вокзала разрушена.

Движеніе на Полоцк.

Получена телеграмма из Дриссы о том, что одновременно с движеніем на сѣвер германцы двинулись от Двинска и на восток, вдоль желѣзной дороги Двинск—Полоцк. Наши войска отходят, не оказывая пока сопротивленія. При отходѣ всѣ мосты взрываются.

На румынском фронтѣ.

Командующій большевистскими войсками Муравьев послал ультимативное требованіе румынам в 24 часа очистить всю Бессарабію. Если румыны отвергнут ультиматум, он найдет способы заставить их подчиниться его требованиям.

Два дня на Дунаѣ идет бой между румынами и большевиками. В бою принимают участіе мониторы, канонерки и артиллерія.

К товарищам!

Товарищи, рабочіе, солдаты, крестьяне! „Рабочее Знамя"—ваша газета—вы сами должны писать в ней. Присылайте статьи, замѣтки, сообщайте все, что дѣлается у вас на фабриках, заводах, мастерских, в казармах, в селах.

Рабочая жизнь.

В виду того, что в настоящее время организовались районные Совѣты Народнаго Хозяйства, преобразованы районныя Заводскія Совѣщанія с преобладаніем в них представителей от рабочих, а дѣятельность Военно-Промышленных Комитетов подчинена Высшему Совѣту Народнаго Хозяйства,—существовавшій при Народном Комиссаріатѣ Труда Отдѣл по регулированію хозяйственной жизни страны упразднен, и всѣ дѣла этого Отдѣла переданы районным Совѣтам Народнаго Хозяйства и Заводским Совѣщаніям.

Всѣ дѣла, касающіяся закрытія, обслѣдованія и финансированія предпріятій, должны направляться в районные и Высшій Совѣты Народнаго Хозяйства.

С 14 (1) февраля 1918 года Народный Комиссаріат Труда прекратил разсмотрѣніе вышеуказанных дѣл.

Всѣ начатыя дѣла переданы для дальнѣйшаго разрѣшенія районным Совѣтам Народнаго Хозяйства.

В связи с введеніем разработаннаго профессіональным союзом рабочих печатнаго дѣла новаго тарифнаго договора, 21 января началась забастовка в нѣкоторых типографіях г. Минска. Бастует не больше 25 проц. всѣх рабочих. Крупныя типографіи требованія рабочих удовлетворили. Мелкія согласились со ставками, но отказались признать требованія рабочих, обезпечивающія профессіональному союзу возможность борьбы с безработицей. В этих типографіях гигіеническія условія невыносимы. Если владѣльцы их откажутся исполнить требованія рабочих, рабочая власть должна будет потребовать их реквизиціи и обязательнаго синдицированія—объединенія в одну большую типографію.

Хроника.

Центральный комитет заводов и портов морского вѣдомства обратился ко всѣм рабочим и служащим заводов этого вѣдомства и к заводским комитетам с воззваніем, в котором проситъ «принять всѣ мѣры к пониженію стоимости издѣлій, каковыя на наших заводах обходятся очень дорого, в силу чего заводоуправленіям при конкуренціи с другими заводами трудно получать заказы. В дальнѣйшем наши заводы должны потерпѣть несомнѣнную катастрофу, если рабочіе не проявят свою энергію в работѣ, чтобы поднять производительность заводов.

Выдача сахара в февралѣ будет произведена в размѣрѣ 1 фунта на ѣдока, по купону № 1.

20 февраля начнется отпуск мяса в размѣрѣ 1/2 фунта по второму мясному купону и с 23 февраля коровьяго масла по 2-му жировому купону в размѣрѣ 1/4 ф.

Почтовый ящик.

Прошу товарища матроса Семена Пелихова зайти в редакцію, Гороховая 42, к 5 час. вечера.

Н. Солнцев (Ф).

ОБ'ЯВЛЕНІЕ.

Редакція извѣщает товарищей, что в настоящее время организуется Коллегія теоретиков Анархизма.

За справками обращаться в Редакцію.

Редакціонная Коллегія:
Александр Ге,
А. Карелин,
Ѳ. Куклярскій,
Н. Солнцев.

15-го февраля выйдет в свѣт

№ I-й

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО
НАУЧНАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

„АНАРХІЯ",

РАЗМѢРОМ ДО 20 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ,

при участіи М. Андрюнина, Б. Верхоустинскаго, Александра Ге, А. Григорьева, Мамонта Дальскаго, Е. Долинина, Рабочаго Жака, А. Карелина, А. Кочегарова, Ѳ. Куклярскаго, Овода, Піо—скаго (Безвластьев), Г. Сахновскаго, Н. Солнцева, Н. Фамулевича, А. Федорова, Р. Э. и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 мѣс.—5 руб., на 3 мѣс.—14 руб., на 6 мѣс. 25 руб. В ПРОВИНЦІИ: на 1 мѣс. 5 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—15 руб. 50 коп., на 6 мѣс.—28 руб.

Требуются газетчики

НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВІЯХ

ОБРАЩАТЬСЯ:

Гороховая, 42, экспедиція газ. «Рабочее Знамя»

Типографія газеты «Рабочаго Знамени», Гороховая, 42.